

Понимающий потенциал литературного жанра как проблема теоретической поэтики М. М. Бахтина

В. М. Головки

(СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В жанрологической парадигме М. М. Бахтина рассматривается онтология понимания литературного жанра как «типического целого художественного высказывания». Феноменолого-герменевтические подходы к исследованию теории жанра осуществляются в системе анализа его «понимающего потенциала», субъект-объектных отношений в процессе создания новой эстетической реальности, принципов интерпретации произведений в свете жанровой «архаики».

Ключевые слова: поэтика, литературный жанр, понимание, выражение, жанрообусловливание, художественная целостность, онтология понимания.

Interpretative Potential of Literary Genre as a Problem of M. M. Bakhtin's Theoretical Poetics

V. M. GOLOVKO

(STAVROPOL STATE UNIVERSITY)

Within M. M. Bakhtin's genre-study paradigm of the ontology of understanding of the literary genre as a «typical unity of aesthetic expression» is being considered. Phenomenological and hermeneutical approaches to the study on the genre theory are embodied within the system of analysis of its «understanding potential», subject-object relations in the process of creation of a new aesthetic reality, principles of interpretation of literary works according to the genre «antiquity».

Keywords: poetics, literary genre, interpretation, expression, genre conditioning, art integrity, interpretation ontology.

Понимание как способ бытия и способ познания литературного жанра впервые стало предметом философско-эстетической рефлексии в трудах М. М. Бахтина 1920-х годов. Однако до сих пор за пределами внимания литературоведов остается самое главное в теоретическом наследии М. М. Бахтина — это положение о жанре как «сложной системе средств и способов *понимающего* овладения и завершения действительности» (Медведев, 1928: 180). Российский ученый, в сущности, на многие десятилетия опередил западную философско-эстетическую мысль, занятую, по словам П. Рикера, «прививкой герменевтической проблематики к феноменологическому методу» (Рикер, 1995: 3). Именно М. М. Бахтин помог осознать, что жанрология — основополагающая, *базисная* область науки о литературе, поскольку актуализация идеи понимающего потенциала жанра

сущностно необходима при разработке любой литературоведческой проблематики.

Актуализируя теоретические идеи жанрологии М. М. Бахтина, выделим два наиболее значимых аспекта в философско-методологических подходах М. М. Бахтина к проблеме жанра: 1) онтологический (т. е. жанровые законы «оформляющего понимания действительности и жизни» (Медведев, 1928: 180); «понимающее бытие» жанровой целостности); 2) эпистемологический (познание «понимающих» возможностей жанра). Тем самым мы пытаемся преодолеть намеченную в современной герменевтике (см., например: Рикер, 1995: 7) тенденцию к излишне категоричной автономизации категорий понимания как способа бытия и понимания как способа познания.

Целостность жанра является основой его исследования в герменевтической парадиг-

* Головки Вячеслав Михайлович — заведующий кафедрой истории русской и зарубежной литературы Ставропольского государственного университета, профессор, доктор филологических наук. Тел.: (865) 235-34-53 (доп. 1185). Эл. адрес: vmgolovko@mail.ru

ме: жанр как «типическое целое художественного высказывания, притом существенное целое, целое завершенное и разрешенное» (Медведев, 1928: 175), обладает смыслообразующим потенциалом, определяется «архитектонически устойчивыми» и исторически изменяемыми коррелятами. Специфика целостности любого жанрообразования, как показал М. М. Бахтин, детерминирована типом его проблематики, спецификой «предметного, тематического завершения» (Медведев, 1928: 175–176), в которых и реализуется его «понимающий» потенциал.

Соотнося традиции герменевтического опыта с бахтинской теорией целостности жанра, следует прежде всего указать на то, что феноменолого-герменевтические подходы к анализу художественного произведения связаны «с выявлением в тексте духовности, которая, исторически меняясь, сохраняет некую неизменную сущность и своим постоянством обеспечивает непрерывность духовности, отражающую единство исторического процесса» (Борев, 1985: 47). В литературном жанре эту «неизменную сущность», «культурную традицию» М. М. Бахтин в книге о поэтике Достоевского определил термином «архаика жанра», при этом рассматривал ее как «архаику» не «мертвую», а способную к «осовременению», способную «постоянно обновляться» (Бахтин, 1963: 142). Архаика жанра — это не просто устойчивая форма, традиционная структура, а та «духовность», «неизменная сущность», которая связана с его специфической понимающей и познавательной природой и которая фиксируется его конструктивным принципом (тем, что М. М. Бахтин называл «костяком», «схемой» жанра). «Неизменная сущность», «духовность», обеспечивающая, как писал М. М. Бахтин, «единство и непрерывность литературного развития» (Бахтин, 1963: 142), — есть его понимающий потенциал. Это сфера «жанрообуславливания», факторами которой определяется специфичность жанроформирования и жанрообразования (Головко, 1995: 10).

У М. М. Бахтина не случайно жанровое «видение и понимание» неотделимы от «выражения» этого понимания. В этом реализуется структурно-семантический принцип изучения жанра. Понимающие возможности жанровой структуры ученый связывал с «внутренним тематическим отношением к действительности и ее становлению». При этом М. М. Бахтин подчеркивал: «*Понять* определенные стороны действительности можно только в связи с определенными способами ее *выражения*», а эти способы выражения «применимы лишь к определенным сторонам действительности» (Медведев, 1928: 182). Здесь уже возникает проблема эпистемологического характера. Путь к понимающему потенциалу жанра лежит через понимание способов его выражения. Так в компетенции бахтинской герменевтики жанра оказывается «оформляющее понимание действительности и жизни» (Медведев, 1928: 180), и на этой основе создается теория понимания жанра, определяющая интерпретационные технологии, которые являются прикладным аспектом герменевтики жанра.

Любой жанр, даже литературный вид, обладает своим предельно абстрагированным смыслом, улавливаемым реципиентом уже на уровне «предпонимания». «Видение» и «понимание действительности» реализуется в целостной системе дифференциации и интеграции жанрообуславливающих, жанроформирующих и жанрообразующих факторов и жанрообразующих средств (Головко, 1995: 9–12), а эпистемология интерпретации раскрывает свои возможности в процессе установления их соприродности друг другу и создаваемому ими художественному целому. Все аспекты жанра органически связаны между собой, они «прорастают» друг в друга, выполняя специфические функции оформления предметного смысла. Так определяются «горизонты» понимания, дающие предварительное знание о жанре. Расширяясь, эти «горизонты» создают понятие о той эстетической целостности («смысловом целом»), которая и является предметом жанрологического анализа. «Сущность содержа-

ния» непосредственно определяется действием жанрообуславливающих, а «объем» жанрового «события» (В. Г. Белинский), «жанровая форма», «тип структуры» — энергией формирующих и образующих факторов и средств. Познавательную природу жанра характеризует не сумма компонентов, а эстетическое качество «понимающего целого».

Сфера жанрообуславливания связана с проблематикой жанра («типом проблематики», «жанровым содержанием» «сущностью содержания»), или, по словам М. М. Бахтина, с «тематической ориентацией на жизнь», «с внутренним тематическим отношением к действительности» (Медведев, 1928: 177). Определяется эта сфера, как известно, концепцией человека в его отношении к миру (Канунова, 1972: 8), свойственной каждому жанру. (В скобках замечу — это одна из самых неисследованных областей жанрологии, а ведь в концепции человека каждого жанра объективизируется определенный уровень авторского задания по преобразованию внеэстетической действительности в собственно эстетическую).

М. М. Бахтин не только обосновал идею, согласно которой каждый жанр есть специфическая система «понимающего овладения и завершения действительности» (Медведев, 1928: 181), но, в сущности, предвосхитил современную постмодернистскую эстетику в том, что предусмотрел «требования онтологии понимания», которые много позже сформулировал П. Рикер в своем исследовании «Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике» (Рикер, 1995). Какие это «требования»? 1) Исходить из того, что жизнь — это главное понятие (идея В. Дильтея); 2) выйти из заколдованного круга субъект-объектной проблематики и задаться вопросом о бытии; 3) различать понимание как способ бытия и как способ познания; 4) в познании дойти до связи «исторического бытия» с «совокупным бытием», т. е. той связи, которая была бы изначальна, предшествовала субъект-объектным отношениям (Рикер, 1995: 9–12), на анализе которых строится традиционная теория познания.

М. М. Бахтин, как известно, заменил субъекта парадигмальной оппозиции «субъект — объект» — «автором и героем», т. е. в «архаике» жанра заложил не бинарное, а тренарное отношение: субъект в двуединости «Я» — «Другой» и объект. Это уже, по сути, выход из «заколдованного круга субъект-объектной проблематики» (Рикер, 1995: 13), позволяющий «задаться вопросом о бытии», о способе существования литературного жанра.

Поскольку теоретизированная модель (система) познания входит органично в познание в целом, представляющее собой, как показал М. М. Бахтин в работе «К философии поступка», *поступок ответственно мыслящего участного сознания* («поступок мыслью»), то эпистемологическая концепция жанра непосредственно нацелена на выявление его онтологии понимания, его гносеологической природы и когнитивного потенциала. Но когда объектом исследования становится познание в целом, «поступок мыслящего участного сознания» рассматривается прежде всего в свете *бытийных*, а не когнитивных характеристик» (Микешина, 2008: 4). В эпистемологии М. М. Бахтина «субъект относится к объекту через систему ценностей или коммуникативных отношений» (Микешина, 2008: 5). Тем самым М. М. Бахтин вводил в эпистемологию понятие историчности (Микешина, 2008: 8): изменение художественного познания во времени фиксировалось жанрологическими понятиями «нов», «не тот», а сохраняющийся понимающий потенциал и конструктивный принцип его «архаики» — понятиями «стар», «тот». В категории «архитектоника» и оформилась мысль о том, что жанр «всегда тот и не тот, всегда и стар и нов одновременно» (Бахтин, 1963: 142). Жанр как «смыслообразующая целостность» раскрывает свои гносеологические и когнитивные возможности в том случае, если «*бытийные* характеристики» осмысливаются в феноменолого-герменевтической парадигме, а сам этот процесс осмысления средствами анализа «архитектонической целостности» является

основой рефлексии жанра. С точки зрения жанрообусловливания, детерминации типом проблематики «сущности и объема самого содержания» (В. Г. Белинский) произведения, *бытие жанра и заключается в художественном понимании*. Это бытие, которое, говоря словами П. Рикера (Рикер, 1995: 10), *существует, понимая*.

Феноменологией и герменевтикой от «Логических исследований» Гуссерля, которые, как отмечал сам М. М. Бахтин, были одним из источников его эстетики, до «Бытия и времени» Хайдеггера, который параллельно с Бахтиным разрабатывал проблемы «новой онтологии», уже было осмыслено, что нельзя на место онтологии понимания ставить эпистемологию интерпретации. В жанрологии М. М. Бахтина это проявляется в том, что он в стратегии своего феноменолого-герменевтического исследования дифференцировал «способы видения и понимания действительности» и способы познания познавательных качеств жанра (Бахтин, 1963: 181).

В философии жанра М. М. Бахтина хорошо просматривается апелляция к действительности и жизни как к основной инстанции и аксиологическому критерию: «Если мы подойдем к жанру, — писал он, — с точки зрения его внутреннего тематического отношения к действительности и ее становлению, то мы можем сказать, что каждый жанр обладает своими способами, своими средствами видения и понимания действительности, доступными только ему... своими средствами оформляющего понимания действительности и жизни» (Медведев, 1928: 180). И хотя бытие каждого жанра определено тем, что он располагает только свойственными ему способами и средствами видения и понимания действительности, это вовсе не лишает писателя права на внеканоническую инициативу, проявляющуюся прежде всего в сфере жанрообразовательных процессов. Способы изображения, т. е. «основные возможности жанрового построения» (Медведев, 1928: 183), ученый связывал со спецификой художественного «овладения эпохой» (Медведев, 1928: 183). Гово-

ря о «бытии» жанра, который существует, понимая, М. М. Бахтин в понятие о самой реальности включил и реальность духа, создаваемую «ответственно поступающей мыслью». В жанрологии это выразилось в актуализации бинарной оппозиции «исторического бытия» как выражения субъект-объектных отношений и «совокупного бытия» как выражения попыток выйти за пределы субъект-объектной проблематики, «задаваться вопросом о бытии» (Рикер, 1995: 9). Типологическое в жанре, составляющее суть его «архаики», и есть воплощение «совокупного бытия», поскольку культурная традиция жанра, составляющая «сущность содержания», определяющая его конструктивный принцип и «объем содержания», представляет собой формулу «добытой эстетической истины» (Стенник, 1974: 189), ту «действительную жизнь» жанра, которая существует до субъекта художественного познания (писателя, художника) как данность автономного «духа». Жанрообусловливание и предстает как область художественного опыта («жизненный мир» жанра), предшествующего субъект-объектным отношениям, которые реализуются в процессе эстетического познания (создания произведения в жаровой парадигме). В такой творческой практике достигается единство «архаики» жанра («тот», «стар») и его «неповторимой повторяемости» («не тот», «нов»), единство «архитектонически устойчивого» (типологического, видового) и «динамически живого» (исторического, индивидуального), т. е. связь «совокупного бытия» с «историческим бытием». Существование жанра в процессе понимания — это «способ бытия», заданный «совокупным бытием», абстрагированным коллективным художественным опытом, сфокусированным в сфере жанрообусловливания. Этот опыт воспринимается писателем как «духовность» жанра, его «культурная традиция», открывающая возможности для всех жанровых инноваций художественного познания, основанного на субъект-объектных отношениях. В этих отношениях писатель выступает как само воплощение ин-

тенции, как носитель стремления, тенденции, намерения, коррелирующего с определенной областью значений.

М. М. Бахтин, создавая теорию жанра, пошел дальше В. Дильтея, своего предшественника в области философской методологии (см. статью В. Дильтея «Истоки герменевтики»), который первым перевернул традиционное представление об отношениях между пониманием и бытием в том плане, что снимал оппозицию онтологии понимания и эпистемологии интерпретации. Он углублял идею связи, в терминологии М. М. Бахтина, «живой единственной историчности» конкретного жанрообразования с «совокупным бытием», с «исторически недействительным субъектом» (см.: Микешина, 2008: 15), существующим как специфическое бытие, как «память жанра» (Бахтин, 1963: 142), которая предшествует субъект-объектным отношениям и предполагает жанровую проблематику и тип художественного целого. Вот почему М. М. Бахтин особо подчеркивал: «...Действительность жанра (т. е. понимание как способ существования) и действительность, доступная жанру, органически связаны между собой... Жанр... есть совокупность способов коллективной ориентации в действительности с установкой на завершение» (Медведев, 1928: 184). Онтология понимания конкретного жанрообразования реализует его «автономный» понимающий потенциал, объективно существующий, таким образом, до субъекта художественного сознания. Эта «автономность» не позволяет жанрам ассимилироваться.

М. М. Бахтин нацеливал на изучение сферы жанрообусловливания, потому и на разработку эпистемологических принципов анализа «познающей» специфики жанров, которая реализуется в процессе смыслообразования и в которой проявляется «самозначимая действительность литературных произведений» (Бахтин, 1963: 30). Это предстает сегодня как важнейшая литературоведческая задача, от решения которой зави-

сят и способы познания (интерпретации) художественных текстов.

Философско-методологическая парадигма М. М. Бахтина основана на *деятельностном принципе*: поскольку жанр *существует, понимая*, то он являет собой (в отличие от вида) не застывшую, «мертвую» «устойчивость», не матрицу, а «устойчивую тенденцию развития литературы» (Бахтин, 1963: 142). «Архаика» жанра, обусловленная спецификой «совокупного бытия» («духовной традицией») и определяющая его самостоятельность, именно потому остается, как сказано в книге о Достоевском, «вечно живой» (Бахтин, 1963: 142).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [Бахтин, М. М.] Медведев, П. Н. (1928) Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л. : Прибой.
- Бахтин, М. М. (1963) Проблемы поэтики Достоевского. М.
- Борев, Ю. Б. (1985) Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика. Теории, школы, концепции. Критические анализы // Художественная рецепция и герменевтика. М.
- Головкин, В. М. (1995) Русская реалистическая повесть: герменевтика и типология жанра. М. ; Ставрополь.
- Канунова, Ф. З. (1972) Проблема личности и жанр // Проблемы литературных жанров. Томск.
- Микешина, Л. А. (1999) Значение идей Бахтина для современной эпистемологии // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. М., 1999. URL: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/phnauk5/mic.htm> (дата обращения: 14.08.2009).
- Рикер, П. (1995) Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М. : Academia-Центр ; Медиум.
- Стенник, Ю. В. (1974) Система жанров в историко-литературном процессе // Историко-литературный процесс. Л. : Наука.